

Актеры и роли

Д. В. ЗЕРКАЛОВА

Весной 1923 года, на третьем году своей сценической жизни, Зеркалова, по предложению П. Н. Орленева, сыграла роль Марьюшки в пьесе «Горе-злобчасье». Только бездумной дерзостью молодости или наивным бесстрашием начинающей актрисы можно объяснить ее согласие выступить партнершей прославленного артиста, потрясающе игравшего в этой пьесе центральную роль мелкого чиновника Рожкова.

Никогда не забыть этого спектакля! В заветной записной книжке Орленева (если она сохранилась, хорошо бы ее опубликовать) найдется, вероятно, несколько строк и об этом вечере, когда гений артиста вновь, как в молодые годы, был согрет той предельной искренностью сценических чувств, что всегда делает старую роль новой, а привычное ее исполнение — праздничным торжеством. Среди моря ремесленных штампов, среди старого провинциального актерского равнодушия и безразличия, особенно к гастрольному спектаклю, Орленев на этот раз встретил трепетное, честно-взволнованное, бескорыстное, каждым дыханием своим живущее жизнью роли дарование и — возликовал. Марьюшка — несчастная сестра несчастного Рожкова. Но и сама Зеркалова была в этот вечер Орленеву родной, не по мастерству, конечно, а по той тонкой и благоухающей артистичности, что всегда свойственна подлинному таланту.

С этого вечера и начинается, собственно, большой, трудный, извилистый путь актрисы — крестьянской девушки-беднячки Зеркаловой, хороним чтением стихов на вечерах в одесской народной школе, в которой она училась, добившейся «благотворительной» стипендии — права на бесплатную учебу в частной гимназии. Здесь, в гимназии, родились первые ее мечты о театре.

Весной 1923 года в Одессе произошла знаменательная встреча с Орленевым. Здесь Зеркалова с большим успехом сыграла ряд эффектных, главным образом комедийных, ролей, и, как в сказке, к ней сразу пришла известность. До 1929 г. Зеркалова не знала большой режиссуры. Она, конечно, не играла «как бог на душу положит». Бессмысленно утверждать, что своими ранними успехами она была обязана одному только природному дарованию и покоряющему сценическому обаянию. Она очень гордо, свободно и увлекательно играла «легкие» роли всяческих «погибших девочек» и «недомерков». Но эти «легкость» и «бездумность» были кажущиеся. За каждой такой ролью стоял огромный труд.

Не зря Зеркалова длительно и настойчиво изучала по фильмам «девошек» Мэри Пикфорд, их утиную походку и лукавую манеру улыбаться одним только открытым глазом. Не зря простаивала целые вечера свободная от спектакля актриса за кулисами, чтобы отсюда, через щель в декорации, «поймать», понять, разгадать «секрет» мастерства Орленева, Кузнецова или Полевицкой. Она никогда не мирилась со стандартом французской комедии, всегда настойчиво искала в ее штампованных кулаках черты индивидуальности, элементы волевого характера и проблески мысли.

Поэтому все героини пустынных французских комедий были в интерпретации Зеркаловой, наперекор самим пьесам, бунтарками.

В капиталистическом обществе Зеркалова, вероятно, до последней физической возможности эксплуатировала бы своих «девичонок», а потом, с болью оставив сцену, знала бы одну только ядовитую тоску — результат бессмысленно растраченного таланта... Советская актриса преисполнена сладостью легкой славы, не могла и не хотела успокоиться на достигнутом. В 1925 г. актриса порывает со своими провинциальными успехами и делает попытку обосноваться в Москве в театре б. Корш, попытку неудачную, так как ей ни разу не привелось выступить на этой сцене.

Зеркалова возвращается в Киев, решительно меняет свой репертуар и, по отзывам прессы, с выдающимся успехом играет в советских пьесах — «Луна слева» Билль-Белоперковского, «Поэма о топоре» (Анка), «Яблони цветут» (Партизанка Таня), «Человек с портфелем» (Гога) и т. п. Этот второй этап в творчестве актрисы завершается встречей в 1929 году с Н. Н. Синельниковым.

Работа с этим выдающимся учителем и воспитателем, школу которого прошли почти все крупнейшие русские актеры последней четверти XIX века, открывает перед Зеркаловой подлинные глубины сценического мастерства.

Центральный театр Красной Армии, в труппу которого Зеркалова вступила в 1934 году, оказался той средой, в которой таланту актрисы суждено было полностью созреть. Работа в этом театре с Ю. Завадским, В. Сахновским, Е. Телеповой и А. Л. Поповым была тем благотворнее для актрисы, что каждый из этих режиссеров по-своему обогащал ее новым знанием и пониманием искусства театра. Чуткие мастера, они, не посягая на ее артистическую индивидуальность, помогали актрисе найти себя. Поэтичность театра Завадского, душевная правдивость сценических интерпретаций Телеповой, взволнованная интеллектуальность театра А. Л. Попова, литературная изысканность постановочных методов В. Сахновского — все это вошло в искусство актрисы, о которой строгий и взыскательный В. И. Немирович-Данченко недавно решительно сказал: «Чудесное, большое дарование!».

В тридцати ролях привнесло мне в течение пятнадцати лет видеть Зеркалову. Были у актрисы, разумеется, и жестокие неудачи. Но любопытно, — поражения она знала исключительно только или в безнадежно фальшивых ролях и пьесах, или работая с бесталанной, малознающей или формалистически мудрствующей режиссурой. К чести актрисы, ее никогда не могли вдохновить ни пошлый «Плач Рахили», ни декадентская «Лебединая песня», ни «левое» провинциальное «новаторство» в «Принцессе Турандот». Уже на московской сцене она неполноценно сыграла Глафиру в «Волках и овцах» только потому, что режиссер Лобанов, неверно и грубо истолковав пьесу, заставил актеров идти как против Островского, так и против самих себя. Малейшая фальшь — вот злейший враг актрисы Зеркаловой. Она хочет знать всю правду об образе, сорвать с него все маски, добраться до самого в нем сокровенного и в последнем найти опору для своего творчества. И горе, если образ плосок, упрощен, не умен, душевно не богат, не многогранен и не многокрасочен. Потому-то и узнала Зеркалова самые большие свои творческие успехи на сцене Театра Красной Армии, что здесь ей чутко дали играть, главным образом, классику — в пьесах Горького и Островского.

Елену в «Мещанах» Горький, вероятно, видел именно такой «центральной», такой яркой и жизнеутверждающей, какой ее играла Зеркалова, хотя эту роль долго считали «служебной». Юлию Павловну в «Последней жертве» ни одна из виднейших русских актрис не играла такой мужественно-жертвенной в любви и такой

волевой в несчастье, какой ее показала Зеркалова. Наталья в «Васе Железновой» в исполнении Зеркаловой оказалась не деградирующим отпрыском купеческой семьи, а бунтарским, рвущимся в иной мир, озлобленным «зверенышем», выросшим, как сказал Горький по другому поводу, «не на той улице».

Все созданные Зеркаловой женские образы, как бы они различны ни были по уму, темпераменту, возрасту, характеру, общественному положению, — все они сжатымы внутренним огнем сдержанного,

■ ■ ■

Д. В. Зеркалова в роли Юлии Павловны Тугиной в пьесе А. Н. Островского «Последняя жертва»

■ ■ ■

но тем более горячего порыва. Десять раз обращается в течение второго акта «Последней жертвы» Юлия Павловна по имени и отчеству к Флору Федулычу, и тончайшую гамму сложнейших переживаний выражает этими простейшими двумя словами Зеркалова. Здесь и деловитость, и просительность, не терпящая независимости, здесь и надрынная кокетливость, и тонкая женская угодливость, и откровенно разыгранный каприз, и рожденная отчаянием ласка, и гордое признание («от этих денег зависит мое счастье»), и сдержанная мольба и вызов («вы будете моим злодеем»), и последнее после признания облегчение («моего стыда никто, кроме вас, не узнает»). А за всем этим — большая, не желающая знать преград, готовая на все, гордая, сильная, не знающая страха и стыда любовь. Не наивно-беспомощная, очаровательная в своей слабости Юлия Павловна, а гордая женщина, рвущаяся к тому, что ей кажется счастьем. Поэтому в последнем акте эта Юлия Павловна не безвольная жертва. Теперь она молчалива и горда. Ее движения медлительны и уверенны. Нет счастья, нет радости, их нет и уже никогда не будет, но остались замкнутое в себе презрение, затаенная скорбь. Последняя жертва была и последней мечтой, последней верой в возможность любви, последним порывом...

Это найденное в образе богатство Зеркалова несет зрителю бережно и мудро.

Эту актрису мы увидим вскоре на классической сцене Малого театра. Собирает по всей земле русской таланты — всегда было одной из лучших традиций этого нашего старейшего театра. И всегда эти таланты находили на его сцене чудесную почву для дальнейшего роста и расцвета. Надо надеяться, что так же будет и в этот раз.

И. КРУТИ